

На правах рукописи

Дервягина Ольга Евгеньевна

**ПРЕСТУПНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ**

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Новосибирск – 2021

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Сибирский федеральный университет», на кафедре уголовного права.

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор
Шишко Ирина Викторовна

Официальные оппоненты:

Талан Мария Вячеславовна, доктор юридических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», заведующая кафедрой уголовного права

Даниловская Анна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Хабаровский государственный университет экономики и права», доцент кафедры гражданского права и гражданского процессуального права

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет» (г. Екатеринбург)

Защита состоится 25 ноября 2021 г. в 10 час.00 мин. на заседании объединенного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 999.126.03 ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» по адресу: г. Новосибирск, Академгородок, ул. Пирогова, 1, корп. Ректорат, ауд. 414, зал заседаний Ученого совета НГУ.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке НГУ и на сайте: <https://www.nsu.ru>; <https://www.dvfu.ru>; <http://sfu-kras.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Коротких Н. Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Принцип поддержки конкуренции (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ) и недопущения экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ч. 2 ст. 34 Конституции РФ), – составные конституционной основы рыночной экономики, что свидетельствует о ценности конкурентных отношений.

Конкуренция заставляет хозяйствующих субъектов осуществлять деятельность честно и эффективно, интенсифицирует производственные процессы, что приводит к установлению равновесной цены товара, а значит, и благу для потребителей. В связи с этим конкуренция нуждается в стимулировании и защите, в том числе и уголовно-правовыми мерами.

Стремление хозяйствующих субъектов к монополизму – естественное, объективное стремление, обусловленное желанием получить неконкурентное преимущество на рынке. Картельные соглашения, будучи скрытой формой монополизма, нивелируют конкуренцию и причиняют существенный вред интересам государства. Именно поэтому Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» картели признаны одной из угроз экономической безопасности государства.

Сложившаяся экономическая и внешнеполитическая ситуация стимулирует рост числа картельных сговоров, их проникновение в стратегические, жизненно важные сферы деятельности государства и требует эквивалентного ответа.

В рамках исполнения поручения Президента РФ в целях создания эффективной единообразной практики борьбы с картелями Правительство РФ утвердило Межведомственную программу мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2019–2023 гг. Она призвана консолидировать усилия и ресурсы органов власти для от-

стаивания национальных интересов России и создать единую практику по предотвращению картельных соглашений.

Картели составляют большую часть выявленных антиконкурентных соглашений. По оценкам экспертов, ущерб от картелей на товарных рынках и торгах составляет 1,5–2 % размера ВВП ежегодно, что в абсолютных цифрах может составлять до 1,5 трлн руб.; завышение цен картелями на торгах достигает 30 % от начальной максимальной цены контракта, 18 % – на товарных рынках, 23 % – трансграничными, международными картелями. Ежегодно антимонопольные органы выносят несколько сотен решений по делам о картелях. Количество привлеченных к административной ответственности юридических лиц достигает полутора тысяч, а сумма административных штрафов – 3 млрд руб. При этом количество уголовных дел и приговоров по ст. 178 УК РФ¹ исчисляется единицами.

Картели называют самодетерминирующим преступлением, главным фактором воспроизведения которых является их нераскрываемость. Отсутствие реального уголовного наказания приводит к ложному представлению о допустимости подобных преступных действий и их масштабированию. Из этого следует необходимость повышения эффективности уголовно-правовых мер борьбы с картелями.

Внесение на рассмотрение Государственной Думы РФ очередного проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»² об изменении ст. 178 УК, постоянное изменение регулятивного законодательства (подготовлен уже «пятый антимонопольный пакет» поправок в антимонопольное законодательство), Постановление Пленума Верховного Суда «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954 (далее по тексту – УК).

² Проект федерального закона № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.11.2019) [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.

антимонопольного законодательства»¹, в котором отражено судебное толкование норм антимонопольного законодательства, свидетельствуют о том, что законодатель продолжает искать оптимальный вариант борьбы с картелями.

В литературе противоречиво оценивают криминализацию ограничения конкуренции и чрезвычайно разнообразно определяют объект преступления, структуру объективной стороны (в частности, является ли ограничение конкуренции последствием), способы определения дохода и ущерба, круг лиц, осуществляющих профессиональную деятельность, приносящую доход², признаки субъективной стороны, обоснованность включения квалифицирующего признака «с применением насилия или угрозой его применения», что, безусловно, затрудняет применение ст. 178 УК.

В связи с этим тема исследования «Преступное ограничение конкуренции: теоретические и прикладные аспекты» является весьма актуальной.

Степень научной разработанности темы. Основные теоретические вопросы квалификации экономических преступлений были исследованы Б. В. Волженкиным, Л. Д. Гаухманом, А. Э. Жалинским, И. А. Клепицким, Н. А. Лопашенко, С. В. Максимовым, Т. В. Пинкевич, И. В. Талан, В. И. Тюниным, С. И. Улезько, Т. Д. Устиновой, И. В. Шишко, А. М. Яковлевым, П. С. Яни, Б. В. Яцеленко и другими авторами. В их публикациях были сформулированы выводы, имеющие научное и прикладное значение для изучения преступного ограничения конкуренции. Однако они не были нацелены на исследование именно преступного ограничения конкуренции, что не позволило авторам рассмотреть многие вопросы его квалификации.

Позднее отдельные признаки ограничения конкуренции рассмотрены в работах Г. А. Есакова, В. И. Тюнина, М. В. Талан, П. С. Яни. Признавая безусловную ценность данных исследований, отметим, что в настоящее вре-

---

¹ О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 г. № 2 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

² Здесь и далее под «лицами, осуществляющими профессиональную деятельность, приносящую доход» подразумеваются «иные физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющие профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации».

мя в научной литературе не разрешены в полном объеме вопросы обоснованности криминализации ограничения конкуренции, структуры его объективной стороны, криминообразующих и квалифицирующих признаков.

Уголовной ответственности за антиконкурентные действия посвящены диссертационные исследования: Е. В. Жукова, А. Н. Бойцова, А. В. Денисовой, А. Ю. Улезько, К. М. Хутова. Однако в них анализируются предыдущие редакции ст. 178 УК, и эти работы могут быть использованы, главным образом, в части ретроспективного анализа ограничения конкуренции.

В период криминализации единственно картельных соглашений (2015 г.) проведены диссертационные исследования Д. М. Лаптевым и И. В. Бациным. Однако исследователи не затронули указанные выше вопросы, а также не учли последние изменения в уголовном и регулятивном законодательстве.

Таким образом, в настоящее время в отечественной уголовно-правовой науке диссертационных исследований всех признаков преступного ограничения конкуренции, учитывающих изменения в уголовном и регулятивном законодательстве, нет.

Цель диссертационной работы состоит в научном обосновании криминализации ограничения конкуренции и толкования его признаков с учетом изменений в уголовном и регулятивном законодательстве.

Для достижения указанной цели следует решить следующие **задачи**:

- доказать обоснованность криминализации ограничения конкуренции;
- определить объект и признаки объективной стороны преступного ограничения конкуренции, раскрыть их особенности;
- выработать предложения по способу определения дохода как криминообразующего признака ограничения конкуренции;
- установить круг лиц, которые могут быть признаны субъектом ограничения конкуренции, с учетом изменений в регулятивном законодательстве;
- уточнить признаки субъективной стороны преступного ограничения конкуренции, раскрыть их особенности;

– исследовать квалифицирующие признаки ограничения конкуренции и обоснованность их включения в чч. 2, 3 ст. 178 УК;

– выявить проблемы освобождения от уголовной ответственности за ограничение конкуренции.

Научная новизна определяется тем, что данная работа является первым диссертационным исследованием, посвященным всесторонней уголовно-правовой характеристике преступления, предусмотренного ст. 178 УК, в редакции «четвертого антимонопольного пакета».

В работе впервые: доказана обоснованность криминализации ограничения конкуренции путем исследования всех общепризнанных оснований криминализации; раскрыты признаки-последствия картеля и проведено разграничение некоторых из них с законной предпринимательской деятельностью; обоснована необходимость дифференциации способов расчета дохода, полученного картелем на торгах, в зависимости от определенных условий; аргументировано признание хозяйствующими субъектами арбитражного управляющего, индивидуального аудитора и оценщика, занимающегося частной практикой; установлено, что самозанятые граждане к хозяйствующим субъектам не относятся; обосновано, что к получению дохода в крупном размере умысел может быть только прямым; доказана необоснованность включения квалифицирующего признака «с использованием служебного положения» и, наоборот, обоснованность включения квалифицирующего признака «с применением насилия или угрозой его применения»; предложен способ унификации оснований освобождения от ответственности за деяния, предусмотренные ст.ст. 178 УК и 14.32 КоАП РФ¹; дано толкование «иных мер» заглаживания причиненного вреда.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется актуальностью и новизной рассматриваемых проблем, всесторонним исследованием объективных и субъективных элементов ограничения конкуренции,

---

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.05.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1 (далее по тексту – КоАП).

предусмотренного ст. 178 УК. Сформулированные в результате исследования выводы и их аргументация расширяют сферу научного знания в области уголовной ответственности за ограничение конкуренции. Положения настоящей работы могут быть использованы в качестве основы для дальнейшей научно-исследовательской деятельности по изучению проблем уголовно-правовой регламентации и квалификации картельных соглашений, в образовательном процессе при подготовке учебной литературы и обучении студентов дисциплинам уголовно-правового блока, в законотворческой деятельности по совершенствованию уголовного законодательства, а также в правоприменительной деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, и судов.

Методология и методы диссертационного исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляет совокупность общих и частнонаучных методов исследования, в том числе использованы диалектический, формально-логический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы. Выбор предмета исследования потребовал проведения комплексного анализа отдельных междисциплинарных проблем, находящихся на стыке юриспруденции и экономики.

Положения, выносимые на защиту. Результаты диссертационного исследования отражены в основных положениях, выносимых на защиту:

1. Обоснованность криминализации ограничения конкуренции, причинившего крупный ущерб либо повлекшего извлечение дохода в крупном размере, впервые доказана путем исследования всех общепризнанных оснований криминализации: ему присущи достаточная для криминализации общественная опасность, относительная распространенность и неблагоприятная динамика, с ним невозможно бороться менее репрессивными мерами, а у системы уголовной юстиции необходимые возможности есть.

2. Доказано, что основной непосредственный объект ограничения конкуренции – отношения, связанные с защитой конкуренции именно от картельных соглашений, в том числе с их предупреждением и пресечением. Сторонами этого отношения являются, с одной стороны, хозяйствующие

субъекты, а с другой – государство, а содержанием – право государства требовать такого поведения от хозяйствующих субъектов, которое не приводит к ограничению конкуренции путем заключения картельного соглашения, и этому праву корреспондирует обязанность хозяйствующих субъектов (а не всех прочих лиц) не совершать действий, направленных на ограничение конкуренции путем заключения картельного соглашения. *Недобросовестная конкуренция в основной непосредственный объект не входит.*

Дополнительный обязательный объект ограничения конкуренции – имущественные отношения, а применительно к квалифицированному ограничению конкуренции – отношения в сфере государственной и муниципальной службы (п. «а» ч. 2 ст. 178 УК) и здоровье (ч. 3 ст. 178 УК).

Дополнительным факультативным объектом как основного, так и квалифицированных составов выступают интересы потребителей в смысле, придаваемом им в п. 23 ст. 4 ЗоЗК¹, то есть интересы юридических лиц или физических лиц, приобретающих товар, а в некоторых случаях – общественное здоровье.

3. Обосновано определение дохода как разницы между доходом от реализации товаров (работ, услуг), извлеченным всеми участниками ограничивающего конкуренцию соглашения *в результате заключения и (или) участия в таком соглашении*, и доходом, который сформировался бы в конкурентных условиях. Такой способ определения дохода объясняется тем, что участники соглашений осуществляют свою хозяйственную деятельность на законных основаниях (в отличие от незаконного предпринимательства) и получают легальные доходы. Картельное соглашение обеспечивает им получение только «сверхдохода».

Исключение составляет определение дохода, полученного в результате самых распространенных соглашений – соглашений на торгах, при условии,

---

¹ Здесь и далее подразумевается ФЗ «О защите конкуренции». См.: О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

что в них наряду с членами картельного соглашения принимали участие иные хозяйствующие субъекты. В этом случае доход, полученный от заключения договора на торгах, обусловлен исключительно *незаконными* действиями участников картеля, и им должно признаваться все полученное от заключения договора на торгах (выручка без вычета произведенных расходов).

4. С учетом результатов исследования понятия «профессиональная деятельность, приносящая доход» и установленных в п. 5 ст. 4 ЗоЗК критериев отнесения лиц, осуществляющих такую деятельность, к хозяйствующим субъектам («в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации»), *обосновано* признание хозяйствующим субъектом (и значит, субъектом ограничения конкуренции) арбитражных управляющих, оценщиков, занимающихся *частной* практикой, а также *индивидуальных* аудиторов (соискатель не согласен с отнесением к хозяйствующим субъектам *всех* аудиторов и оценщиков) и, наоборот, непризнание хозяйствующим субъектом (и значит, субъектом ограничения конкуренции) нотариусов, адвокатов, медиаторов и патентных поверенных.

Впервые исследован вопрос о признании хозяйствующими субъектами самозанятых граждан. Установлено, что они не являются хозяйствующими субъектами, поскольку не подлежат *государственной* регистрации.

5. Обосновано, что субъектами картельного соглашения, заключенного хозяйствующими субъектами-юридическими лицами, могут признаваться не только те, кто уполномочен осуществлять юридически значимые действия: картель – соглашение *противоправное*, и правовые полномочия на его заключение не обязательны.

В этом случае субъектом преступного ограничения конкуренции должны признаваться лица, могущие определять действия юридического лица:

– де-юре (выполняющие не любые организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в юридическом лице, а именно определяющие его действия) *или*

– де-факто (то есть лица, которые в соответствии с п. 3 ст. 53.1 ГК РФ¹ имеют *фактическую возможность* определять действия организации).

6. Виновные в картельном соглашении предвидят именно *неизбежность* ограничения конкуренции (первое последствие, указанное в диспозиции ст. 178 УК). Это вытекает из самой природы картельных соглашений: они относятся к соглашениям *per se*, то есть к *безусловно* приводящим к ограничению конкуренции.

7. Поскольку виновный в ограничении конкуренции желает получить доход в крупном размере, умысел к этому последствию может быть только прямым. Сознательное допущение или безразличное отношение к этому общественно опасному последствию невозможно. Сознательное допущение или безразличное отношение возможны только к причинению ущерба в крупном размере.

8. Картели могут заключаться не только юридическими лицами либо только индивидуальными предпринимателями или лицами, осуществляющими профессиональную деятельность, приносящую доход, но могут быть и смешанными, а ограничение конкуренции, совершенное «смешанным» картелем, охватывается не первой, а второй частью ст. 178 УК по признаку использования служебного положения (п. «а» ч. 2 ст. 178 УК вменяется всем виновным).

Кроме того, минимальный размер криминообразующих признаков (дохода в крупном размере и крупного ущерба) столь высок, что картели, заключенные только индивидуальными предпринимателями (лицами, осуществляющими профессиональную деятельность, приносящую доход), редко могут достичь этого размера.

В связи с изложенным на практике преобладает ограничение конкуренции, подпадающее под ч. 2 ст. 178 УК. А поскольку деяния, содержащие квалифицирующие признаки, не могут встречаться чаще деяний, содержащих

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 12.05.2020) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 (далее по тексту – ГК).

признаки основного состава, признак «с использованием служебного положения» следует исключить.

9. Отступление от условий соглашения участникам картеля экономически выгодно (например, снижение цены на товар в сравнении с установленной картелем позволяет его участнику значительно увеличить объем реализации этого товара), поэтому реализация картельного соглашения предполагает взаимный контроль его участников и применение санкций к участникам-оппортунистам. С учетом сказанного, включение особо квалифицирующего признака «с применением насилия или угрозой его применения», вопреки мнению многих авторов, в ч. 3 ст. 178 УК вполне обоснованно.

10. Высокая латентность картельных соглашений обуславливает особое значение положения об освобождении от уголовной ответственности, мотивирующее участников картеля к сообщению о сговоре. Неполное совпадение условий освобождения от уголовной и административной ответственности препятствует выявлению картелей, и для обеспечения их единообразия предложено примечание 1 к ст. 14.32 КоАП дополнить условием о возмещении ущерба или заглаживании иным образом причиненного вреда.

Для реальной исполнимости этого условия в примечаниях к ст. 14.32 КоАП и ст. 178 УК его необходимо сформулировать с учетом редакции проекта ст. 178 УК: возмещение ущерба и заглаживание иным образом причиненного вреда должно производиться в объеме, в котором они причинены *участником* картеля (а не всем картелем).

11. Впервые дано толкование заглаживания иным образом причиненного вреда, не сводящееся исключительно к перечислению дохода. Заглаживание может заключаться в принятии иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевших (например, предоставлении им в безвозмездное пользование помещений и оборудования, участия в финансовом оздоровлении в случае их банкротства, организации совместного производства и др.). Безусловным по-

казателем достаточности иных мер следует считать восстановление доли рынка потерпевшего, выраженной в объеме производства и реализации продукции по отношению к объему производства и реализации на рынке в целом.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования. Выводы, сформулированные в диссертационном исследовании, имеют высокую степень достоверности, что подтверждается следующим:

– применен широкий комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, которые составляют методологическую базу диссертационного исследования;

– осуществлен сравнительный правовой анализ нормативной правовой базы, определяющей положение картельных соглашений, включающий не только нормы уголовного, но и административного и антимонопольного законодательства;

– поскольку исследование картелей носит междисциплинарный характер, в работе использованы данные, полученные ведущими учеными-экономистами (С. Б. Авдашевой, Д. А. Алешиним, С. А. Барковой, К. В. Дозмаровым, И. В. Князевой, А. Г. Сушкевичем, А. Е. Шаститко), а также учеными в области гражданского (А. А. Войцехович, П. В. Крашенинниковым, В. Ф. Попондопуло), предпринимательского (В. С. Белых, И. В. Ершовой, М. А. Егоровой, В. С. Мартемьяновым, О. А. Тарасенко), антимонопольного (Д. А. Петровым, С. А. Пузыревским, А. П. Тенишевым, О. П. Франскевич, М. А. Хамуковым, Е. В. Шоломовой, Г. Ф. Юсуповой) и административного права (А. Ю. Киневым, К. Ю. Тотьевым, А. С. Шавыриной), раскрывающие понятие «вредоносность» и признаки картельных соглашений.

В процессе написания диссертации автор использовал труды таких специалистов в области уголовного права, как Г. Н. Борзенков, А. В. Бриллиантов, С. В. Векленко, В. Н. Винокуров, Л. Д. Гаухман, Л. В. Иногамова-Хегай, А. И. Коробеев, Л. Л. Кругликов, В. Н. Кудрявцев,

В. М. Лебедев, Т. А. Лесниевски-Костарева, А. В. Наумов, В. И. Плохова, Вал. В. Питецкий, А. И. Рарог и др.

– произведен анализ судебной и иной правоприменительной практики, сложившейся по поводу привлечения виновных лиц к уголовной, административной и антимонопольной ответственности за картельные соглашения.

Так, эмпирическую базу исследования составляют акты Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, опубликованная судебная практика Верховного Суда РФ; статистические сведения ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» о преступлениях, предусмотренных главой 22 УК, за 1996–2021 гг.; статистические данные, предоставленные Федеральной антимонопольной службой России; 42 материала доследственной практики и уголовных дел о преступном ограничении конкуренции (в том числе и в период действия предыдущих редакций ст. 178 УК). Кроме того, соискатель использовал 15 материалов антимонопольных дел по ч. 1 ст. 11 ЗоЗК, а также 38 материалов арбитражной практики. Выводы сделаны в результате лично проведенного анализа приговоров по ст. 178 УК за период с 1996 по 2021 г. Используются пояснительные записки к проектам федеральных законов о внесении изменений в ст. 178 УК.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена и обсуждена на кафедре уголовного права Юридического института Сибирского федерального университета. Основные положения и выводы, сформулированные в диссертации, отражены в 20 публикациях (объемом 11 п. л.), одна из которых опубликована в журнале, индексируемом в международных цитатно-аналитических базах данных Scopus, а также шесть статей опубликованы в научных журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Научные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, были отражены в выступлениях автора (2005–2021) на научных и научно-практических

конференциях, среди которых наиболее значимыми являются: Международная научная конференция «Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе» (Красноярск, 2006, 2009); IX Межрегиональная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых преподавателей «Российское правоведение: трибуна молодого ученого» (Томск, 2009); IV Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Правовая модернизация как фактор развития общества и государства», посвященная памяти профессора А. С. Горелика (Красноярск, 2009); Круглый стол журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Журнал Сибирского федерального университета»: «Правовая политика и развитие российского законодательства в условиях модернизации» (Красноярск, 2012); Международная научно-практическая конференция «Задачи современной юриспруденции» в рамках дней юридической науки СФУ (Красноярск, 2013); Международная научно-практическая конференция «Охрана и защита конкуренции в современных экономических условиях» (Красноярск, 2014); Всероссийская научно-практическая конференция «Енисейские политико-правовые чтения» (Красноярск, 2014–2020); а также в докладе на заседании Общественного совета при Красноярском УФАС России; нашли свое отражение в подготовке и проведении обучающего семинара для представителей строительной организации – участника торгов по теме: «Уголовная ответственность за преступление, предусмотренное ст. 178 УК РФ (ограничение конкуренции)».

Полученные результаты внедрены в учебный процесс при проведении занятий по дисциплинам «Преступления в сфере экономической деятельности», «Предпринимательское право», «Конкурентное (антимонопольное) право», «Антимонопольный комплаенс» (для обучающихся по направлению 40.03.01 «Юриспруденция» Юридического института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»).

Структура диссертации определена поставленными автором целью, задачами и логикой научного исследования. Диссертация состоит из введе-

ния, четырех глав, объединяющих шесть параграфов, заключения, списка использованных источников, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определяются степень научной разработанности проблемы, цели и задачи исследования; раскрывается методология и методы, нормативная и эмпирическая базы исследования, его научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту; указывается на степень достоверности результатов исследования, его теоретическую и практическую значимость; приводятся сведения об апробации результатов исследования, описывается структура работы.

В главе первой «*Обоснованность криминализации ограничения конкуренции*» приведены прямо противоположные представления о криминализации ограничения конкуренции. По мнению ряда представителей уголовно-правовой науки и предпринимательского сообщества, его криминализация либо недостаточно обоснована либо вообще не обоснована.

В работе обоснованность криминализации ограничения конкуренции, причинившего крупный ущерб либо повлекшего извлечение дохода в крупном размере, впервые доказана путем исследования всех общепризнанных оснований криминализации.

Особое внимание уделено исследованию общественной опасности этого деяния. Отмечено, что картели – *исключительно ущербноносные* соглашения, в результате которых участники занимают монополистическое положение на рынке, а *конкуренция между ними устраняется*. Иные участники, не являющиеся сторонами картеля, во входе на рынок ограничены. Именно поэтому любое картельное соглашение общественно опасно, а общественная опасность таких соглашений, повлекших крупный ущерб/доход в крупном размере, достаточна для криминализации.

Подчеркнуто, что от участия в картеле хозяйствующий субъект полу-

чает гиперприбыль, поэтому административные штрафы (равны 1/7 полученной прибыли) стремлению к получению этой гиперприбыли не препятствуют, и следовательно, *борьба с ограничением конкуренции*, повлекшим крупный ущерб/доход в крупном размере, *при помощи не уголовно-правовых мер невозможна*.

Глава вторая «Объективные признаки ограничения конкуренции» состоит из двух параграфов. В **первом параграфе «Объект ограничения конкуренции»** диссертант исследует объекты преступного ограничения конкуренции.

Диапазон определений непосредственного объекта преступного ограничения конкуренции в уголовно-правовой литературе исключительно широк: от установленной законом экономической деятельности или отношений, обеспечивающих нормальное функционирование товарного рынка, до общественных отношений, складывающихся в сфере регулирования добросовестной конкуренции и деятельности хозяйствующих субъектов в условиях рыночной экономики. Сторонами отношений, признаваемых объектом, ученые называют государство, хозяйствующих субъектов и потребителей.

Автор признает непосредственным объектом преступного ограничения конкуренции отношения, связанные с защитой конкуренции именно от картельных соглашений, в том числе с их предупреждением и пресечением. Данное утверждение базируется на положениях регулятивного законодательства: из анализа взаимосвязанных положений ст.ст. 2 и 3 ЗоЗК видно, что антимонопольное законодательство и иные нормативные правовые акты о защите конкуренции *регулируют отношения, которые связаны с защитой конкуренции*, в том числе с предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции. Авторское определение включает отношения, связанные с защитой конкуренции единственно от картельных соглашений, поскольку картельные соглашения – только одна из форм *монополистической* деятельности (наряду с согласованными действиями и злоупотреблением доминирующим положением).

Недобросовестная конкуренция в основной непосредственный объект входить не может. Она, в отличие от любых соглашений, «является односторонним незаконным поведением отдельных компаний с целью причинить вред конкурентам»¹ и не воздействует на товарный рынок в целом.

Раскрыта структура объекта. Сторонами отношений, связанных с защитой конкуренции от картельных соглашений, являются только хозяйствующие субъекты и государство, а содержанием – право государства требовать такого поведения от хозяйствующих субъектов, которое не приводит к ограничению конкуренции путем заключения картельного соглашения, и корреспондирующая этому праву обязанность хозяйствующих субъектов не совершать действий, направленных на ограничение конкуренции путем заключения картельного соглашения.

Дополнительным обязательным объектом ограничения конкуренции, по мнению автора, являются имущественные отношения, поскольку обязательными альтернативными криминообразующими признаками ограничения конкуренции (ч. 1 ст. 178 УК) названы крупный ущерб или доход в крупном размере (последний невозможен без причинения кому-либо ущерба).

Дополнительным факультативным объектом как основного, так и квалифицированных составов выступают интересы потребителей в смысле, придаваемом им в п. 23 ст. 4 ЗоЗК, то есть интересы юридических лиц или физических лиц, приобретающих товар.

В начале различных эпидемий аптеки или поставщики фармацевтических препаратов нередко заключают картельные соглашения о временном «придерживании» этих препаратов для создания искусственного дефицита, а затем повышают на них цену. В подобных случаях дополнительным факультативным объектом выступает общественное здоровье.

Дополнительным обязательным объектом квалифицированного ограничения конкуренции автор признает отношения в сфере государственной и

---

¹ Конкурентное право: учебник / под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. М.: Юстицинформ, 2018. С. 75.

муниципальной службы (п. «а». ч. 2 ст. 178 УК) и здоровье человека (ч. 3 ст. 178 УК).

Во *втором параграфе* «Объективная сторона ограничения конкуренции» рассмотрены признаки объективной стороны ограничения конкуренции, а именно: заключение между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации (действие); ограничение конкуренции (обязательное последствие); а также такие обязательные альтернативные признаки, как *причинение крупного ущерба* гражданам, организациям или государству (второе последствие) либо *извлечение дохода в крупном размере* (альтернативное второе последствие).

Подробно раскрыто понятие картеля через три его признака: 1) соглашение; 2) его стороны; 3) последствия, к которым соглашение приводит или может привести. Особое внимание уделено третьему обязательному признаку картеля – одному из его пяти альтернативных последствий, перечисленных в пп. 1–5 ч. 1 ст. 11 ЗоЗК, указывающих на предмет договоренности¹. Для разграничения этих признаков с последствиями преступления диссертант именует их признаками-последствиями картеля.

Подчеркнуто, что эти пять признаков-последствий являются исчерпывающими и обязательными альтернативными признаками самого картеля. Если хотя бы одного из них нет, нет и картеля. Автор впервые раскрывает названные признаки-последствия, проводит разграничение такого признака-последствия, как сокращение или прекращение производства товара, от законной предпринимательской деятельности.

Картель, как и другие соглашения, перечисленные в ст. 11 ЗоЗК, относится к ограничивающим конкуренцию. Однако, в отличие от других видов соглашений, которые в зависимости от обстоятельств могут (или не могут) привести к негативным последствиям, «ограничение конкуренции картелем в

---

¹ О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 г. № 2 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

силу закона предполагается»¹. Таким образом, признак «ограничивающий конкуренцию» присущ любому картельному соглашению. В диспозиции ч. 1 ст. 178 УК самостоятельной смысловой нагрузки он не имеет, и его следует исключить.

В силу того, что уголовный закон не может признавать преступлением действия (бездействие), дозволенные регулятивным законодательством, такой признак картельного соглашения, как запрещенность его антимонопольным законодательством, законодатель мог бы и не включать в ст. 178 УК. Однако его введение не лишено смысла: при некоторых условиях картели не запрещены. Эти условия перечислены в п. 7 ст. 11 ЗоЗК и в ч. 1 ст. 13 ЗоЗК (в отношении картелей «в рамках» соглашений о совместной деятельности).

Для признания преступления окончено необходимо установить не только типичные криминообразующие признаки – причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечение дохода в крупном размере, но и признак, непосредственно указанный в диспозиции ч. 1, а именно ограничение конкуренции. Автор отмечает, что диспозиция статьи сформулирована так, что при прочтении есть «соблазн» считать ограничение конкуренции деянием. Однако бланкетный характер нормы требует обращения к п. 17 ст. 4 ЗоЗК, в котором перечислены признаки ограничения конкуренции, и уже из первых перечисленных признаков (сокращение числа хозяйствующих субъектов, рост цены товара) ясно, что ограничение конкуренции – не деяние, а то, что стало его *результатом*, имеет место в объективной действительности. Более того, последний признак законодатель назвал «иными обстоятельствами», что указывает на отнесение им к обстоятельствам и других признаков ограничения конкуренции.

Отмечено, что противоправное взаимодействие участников картеля не исчерпывается заключением соглашения². Ограничение конкуренции, крупные ущерб либо доход из самого факта заключения картельного соглашения не

---

¹ О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 г. № 2 (п. 23).

² В экономической литературе картельное соглашение считают, как правило, разновидностью *долгосрочных* контрактных отношений. См.: *Шаститко А.Е.* Картель: организация, стимулы, политика противодействия // Российский журнал менеджмента. 2013. Т. 11. № 4. С. 37.

возникают. Реально последствия влечет (позволяет извлечь доход) *реализация* картельного соглашения, не отраженная в описании объективной стороны: установление или поддержание цен, раздел рынка, сокращение или прекращение производства товаров.

Классическими альтернативными криминообразующими признаками ограничения конкуренции выступают крупный ущерб или извлечение дохода в крупном размере. Обосновано включение в понятие крупного ущерба как реального ущерба, так и упущенной выгоды.

Автор не согласен с определением дохода как выручки от реализации товаров (работ, услуг) без вычета произведенных расходов, предложенным в проекте федерального закона № 848246-7 и поддержанным частью авторов. Такое определение приемлемо для дохода от незаконного предпринимательства, то есть от незаконной деятельности. Доход картеля частично сформирован и законным путем. Результатом картельного соглашения является не весь доход участников соглашения, а только сверхдоход.

Поэтому доход от картеля следует рассчитывать как разность между доходом, полученным в связи с заключенным картелем, и доходом, полученным в конкурентных условиях. Однако такое определение дохода требует оговорки в отношении заключения самых распространенных картелей – картелей на торгах, при условии участия в них наряду с членами картеля иных хозяйствующих субъектов. В этом случае доход, полученный от заключения договора на торгах, обусловлен исключительно *незаконными* действиями участников картеля, и им должно признаваться все полученное от заключения договора (выручка без вычета произведенных расходов).

Третья глава «*Субъективные признаки ограничения конкуренции*» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «*Субъект ограничения конкуренции*» рассматривается круг лиц, которые несут ответственность за преступление, предусмотренное ст. 178 УК. Исходя из того, что сторонами картельного соглашения могут быть исключительно хозяйствующие субъекты-конкуренты, автор раз-

деляет представление о субъекте ограничения конкуренции как о специальном. Особое внимание уделено недостаточно исследованной в теории четвертой категории хозяйствующих субъектов – лицам, осуществляющим профессиональную деятельность, приносящую доход. Подробно исследовано понятие «профессиональная деятельность, приносящая доход», установлено его соотношение со «служебной», «трудовой» и «предпринимательской» деятельностью.

Основываясь на анализе ряда федеральных законов, автор сделал вывод, что понятие «профессиональная деятельность, приносящая доход» – родовое по отношению к понятию «предпринимательская деятельность». Законодательство, регулирующее деятельность лиц, осуществляющих профессиональную деятельность, приносящую доход, исследовано через призму требований, установленных для признания этих лиц хозяйствующими субъектами – их «деятельность осуществляется в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации» (п. 5 ст. 4 ЗоЗК).

Это позволило аргументировать признание хозяйствующим субъектом арбитражного управляющего, *индивидуального* аудитора и оценщика, *занимающегося частной практикой* (соискатель не согласен с отнесением к хозяйствующим субъектам *всех* аудиторов и оценщиков).

Впервые обосновано невключение в число хозяйствующих субъектов нотариусов, адвокатов, патентных поверенных и медиаторов¹: федеральными законами государственная регистрация и (или) лицензия, либо членство в саморегулируемой организации для перечисленных лиц не предусмотрены.

Впервые рассмотрен вопрос об отнесении к хозяйствующим субъектам физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность на основании специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (самозанятых граждан). Исходя из буквального толкования действу-

---

¹ См.: Шишко И.В., Деревягина О.Е. Субъект ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 1(38). С. 173–180.

ющего законодательства, самозанятые граждане к хозяйствующим субъектам относиться не могут: они не подлежат *государственной* регистрации.

Подчеркнуто, что хозяйствующим субъектом признается не тот, кто осуществляет деятельность в полном соответствии с регулятивным законодательством, а тот, к кому федеральные законы *предъявляют требования* государственной регистрации и (или) наличия лицензии, а также членства в саморегулируемой организации. Если законодатель, *с целью защиты частных интересов* стороны по сделке, по существу приравнивает лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без регистрации, к индивидуальным предпринимателям (п. 4 ст. 23 ГК), а НК РФ, *с целью защиты публичных интересов государства*, признает их плательщиками налогов, то логично в *целях защиты конкуренции* и законодательное признание хозяйствующими субъектами тех, кто не соблюдает установленные требования.

Исследован вопрос, какое именно лицо должно признаваться субъектом, если картельное соглашение заключают хозяйствующие субъекты – юридические лица. Многие авторы относят к ним тех, кто уполномочен осуществлять юридически значимые действия. Однако картель – соглашение противоправное, и правовые полномочия на его заключение не обязательны. Вместе с тем представитель хозяйствующего субъекта должен быть уверен в способности представителей других хозяйствующих субъектов принимать решение за эти субъекты. Безусловно, к таким представителям относятся: участник юридического лица, уполномоченного выступать от его имени в случаях, прямо предусмотренных ГК РФ (п. 2 ст. 53 ГК); физическое лицо, составляющее или входящее в исполнительные органы юридического лица, то есть органы, которые действуют от имени юридического лица (п. 1 ст. 53 ГК); физическое лицо, входящее в коллегиальный орган управления корпорации (п. 4 ст. 65.3 ГК); управляющий или руководитель управляющей организации при передаче им полномочий единоличного исполнительного органа хозяйственного общества (подп. 2 п. 2 ст. 67.1 ГК); ликвидатор (члены ликвидационной комиссии), внешний или конкурсный управляющий, арбитражный управляющий

(п. 2 ст. 57, п. 5 ст. 62 ГК). Кроме того, в соответствии с п. 3 ст. 53.1 ГК, к лицам, способным принимать решение и определять действия юридического лица, относятся и лица, имеющие *фактическую возможность* определять эти действия. Они не входят в состав органов юридического лица и формально действовать от его имени не могут. Понятие таких лиц законодательство не раскрывает. Наличие или отсутствие указанной возможности устанавливает суд, анализируя все обстоятельства дела.

Резюмируя изложенное, субъектом картеля, заключенного юридическими лицами, признаются: лица, могущие определять действия юридического лица *де-юре* (выполняющие не любые организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в юридическом лице, а именно определяющие его действия) или *де-факто* (то есть фактически выполняющие функции руководителя организации).

Реально преступные последствия причиняет *реализация* картельного соглашения, не отраженная в описании объективной стороны, и эта реализация может быть значительно «растянута» во времени. Средняя продолжительность известных в истории картелей составляет от пяти до шести лет, а в России срок «жизни» картеля увеличился в среднем до 2–3 лет. Таким образом, преступное взаимодействие участников картеля нередко носит *устойчивый* характер. Следовательно, картель может быть организованной группой лиц, и в ее состав могут входить лица, не обладающие признаками специального субъекта.

Второй параграф третьей главы посвящен *субъективной стороне преступного ограничения конкуренции*. Она характеризуется виной в форме умысла. Распространено мнение, что преступление может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом: виновный желает наступления одного из общественно опасных последствий (дохода в крупном размере или крупного ущерба) либо сознательно допускает или безразлично относится к причинению одного из них.

По мнению автора, виновный стремится именно к получению дохода

в крупном размере, и значит, умысел к его получению может быть только прямым.

Сознательное допущение или безразличное отношение к такому общественно опасному последствию, как доход, невозможно: картельное соглашение заключается в целях извлечения дохода в крупном размере. *Сознательное допущение или безразличное отношение возможны только к такому общественно опасному последствию, как причинение ущерба в крупном размере.* Нацеленность на причинение ущерба конкретному конкуренту монополистическим действиям не свойственна. Однако при сопротивлении хозяйствующего субъекта действиям картеля у его участников может возникнуть умысел на устранение данного субъекта с рынка (например, причиняя ему ущерб путем снижения цены на аналогичные товары). В этом случае умысел на причинение ущерба прямой: виновные осознают общественную опасность снижения цены на эти товары, предвидят неизбежность причинения крупного ущерба конкретному конкуренту и желают причинения ему такого ущерба. Однако период существования прямого умысла на причинение ущерба непродолжителен. Он исчезнет, как только конкурент уйдет с рынка.

Четвертая глава посвящена *дифференциации уголовной ответственности за ограничение конкуренции* и состоит из двух параграфов. **Параграф первый** раскрывает *особенности толкования квалифицирующих признаков ограничения конкуренции.*

Самым дискуссионным квалифицирующим признаком ст. 178 УК является предусмотренный п. «а» ч. 2 – «совершенные лицом с использованием своего служебного положения». Отмечено, что картельные соглашения могут заключаться не только юридическими лицами либо только индивидуальными предпринимателями (или лицами, осуществляющими профессиональную деятельность, приносящую доход), но могут быть и смешанными. Иными словами, сторонами одного картеля могут быть индивидуальные предприниматели (либо лица, осуществляющие профессиональную деятельность, приносящую доход) и юридические лица.

Вместе с тем ограничение конкуренции, совершенное «смешанным» картелем, будет всегда охватываться не первой, а второй частью ст. 178 УК по признаку использования служебного положения (в этом случае использование служебного положения необходимо вменять всем виновным).

Картели же, заключенные только индивидуальными предпринимателями (лицами, осуществляющими профессиональную деятельность, приносящую доход), редко могут достигнуть минимального значения криминообразующих признаков (дохода на сумму свыше 50 млн руб. или ущерба на сумму свыше 10 млн руб.).

В связи с этим на практике преобладает ограничение конкуренции, подпадающее под ч. 2 ст. 178 УК.

Однако деяния, содержащие квалифицирующие признаки, не должны встречаться чаще деяний, содержащих признаки основного состава, поэтому признак «с использованием служебного положения», по мнению автора, следует исключить.

Уделено внимание квалифицирующему признаку, предусмотренному п. «б» ст. 178 УК, – «с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, при отсутствии признаков вымогательства». В нем предусмотрена ответственность за преступление, объединяющее в себе несколько деяний: ограничение конкуренции путем заключения картельного соглашения и умышленное уничтожение (или угроза) или повреждение (или угроза) чужого имущества (при отсутствии признаков вымогательства).

Автор доказывает, что в случае реального уничтожения или повреждения чужого имущества дополнительная квалификация содеянного по совокупности со ст. 167 УК не нужна: содеянное полностью охватывается п. «б» ч. 2 ст. 178 УК.

Ряд авторов подвергает сомнению обоснованность включения в ст. 178 УК особо квалифицирующего признака «совершенные с применением насилия или с угрозой его применения» (П. С. Яни, Т. Д. Устинова, Н. А. Егорова

и др.), ссылаясь на то, что в ч. 1 ст. 178 УК описаны действия сугубо экономического характера, а насилие логически не может стать способом таких действий.

Однако реализация картельного соглашения (установление или поддержание цен, сокращение или прекращение производства товара и др.) заключается не только в выполнении и корректировке его условий, но и предполагает взаимный контроль его участников, применение «санкций» к участникам-оппортунистам. Этот взаимный контроль позволяет утверждать, что лицами, к которым применяются насилие либо угроза его применения (ч. 3 ст. 178 УК), могут быть, прежде всего, участники картеля, нарушившие условия соглашения. Другими способами обеспечить исполнение противоправного соглашения непросто, поскольку отступление от условий соглашения участникам картеля экономически выгодно. Например, снижение цены на товар, в сравнении с установленной картелем, позволит отдельному его участнику значительно увеличить объем реализации этого товара. Насилие (угроза его применения) может применяться и к конкурентам, не являющимся участниками картеля, если их действия мешают реализации картельного соглашения.

С учетом изложенного диссертант считает наличие указанного особо квалифицирующего признака вполне обоснованным.

Во *втором параграфе* четвертой главы «*Специальные случаи освобождения от уголовной ответственности*» дан сравнительный анализ оснований освобождения от уголовной и административной ответственности за картели.

Институты освобождения от этих видов ответственности составляют программу освобождения от ответственности, необходимость которой обусловлена высокой латентностью картелей. Неполное совпадение условий освобождения от ответственности препятствует основной функции этой программы – выявлению картелей, в связи с чем в литературе предложено унифицировать примечание 1 к ст. 14.32 КоАП и примечание 3 к ст. 178 УК.

Автор поддержал идею и предложил способ унификации – дополнить примечание 1 к ст. 14.32 КоАП условием о возмещении ущерба или заглаживании иным образом причиненного вреда. Для реальной исполнимости этого условия в примечании 1 к ст. 14.32 КоАП и примечании 3 к ст. 178 УК его необходимо сформулировать в редакции примечания в проекте статьи 178 УК: возмещение ущерба или заглаживание иным образом причиненного вреда должно производиться в том объеме, в котором они причинены *участником* картеля (а не всем картелем).

Обоснована ошибочность толкования заглаживания иным образом причиненного вреда как исключительно перечисления дохода. Заглаживание может заключаться в принятии иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов граждан, организаций или государства.

Впервые дано толкование указанных «иных мер», безусловным показателем достаточности которых следует считать восстановление доли рынка потерпевшего, выраженной в объеме производства и реализации продукции по отношению к объему производства и реализации на рынке в целом. Такое восстановление может заключаться в предоставлении потерпевшему в безвозмездное пользование помещений и оборудования, в участии в финансовом оздоровлении в случае его банкротства, организации совместного производства и др.

Впервые подняты вопросы порядка реализации условий освобождения от уголовной ответственности.

Так, определен момент, до которого участнику картеля «не поздно» заявить об ограничении конкуренции в правоохранительные органы.

Кроме того, с учетом невозможности самостоятельного определения заявителем размера ущерба/дохода, причиненных картелем в целом, целесообразно в ведомственном регламенте МВД закрепить положение, согласно которому до определения их точного размера условие о возмещении ущерба/заглаживании иным образом причиненного вреда можно признавать вы-

полненным при перечислении заявителем минимального криминообразующего размера ущерба/дохода (то есть 10 000 001 руб. или 50 000 001 руб.).

В **заключении** изложены главные выводы диссертационного исследования, соответствующие установленным целям и задачам, определены перспективы дальнейшей научной разработки, содержатся сформулированные и обоснованные автором предложения по изменению действующего законодательства.

В **приложениях** представлены сравнительные таблицы последствий картельных соглашений, указанных в ЗоЗК, а также условия освобождения от ответственности, изложенные в примечании 1 к ст. 14.32 КоАП, примечании 3 к ст. 178 УК РФ и ч. 2 ст. 76.1 УК РФ.

Положения диссертации изложены в следующих опубликованных работах:

Научные публикации в изданиях, индексируемых в международных цитатно-аналитических базах данных Scopus

1. Деревягина, О. Е. Преступное ограничение конкуренции (часть 1 статьи 178 УК РФ): признаки объективной стороны / О. Е. Деревягина, И. В. Шишко // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. – № 3. – С. 551–561. – DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3). (1,03 п. л.)

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

2. Деревягина, О. Е. Крупный ущерб как криминообразующий признак недопущения, ограничения или устранения конкуренции / О. Е. Деревягина // Российский следователь. – 2008. – № 16. – С. 23–26. (0,4 п. л.)

3. Derevjagina, O. E. Destruction or property damage as a qualifying sign of non-admission, restriction or elimination of competition / O. E. Derevjagina,

A.S. Mironchik // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 4. – № 2. – С. 261–266. (0,4 п. л.)

4. Деревягина, О. Е. Субъект заключения ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) / О. Е. Деревягина, И. В. Шишко // Вестник Омского Университета: Сер. «Право». – 2014. – № 1. – С. 173–180. (0,5 п. л.)

5. Деревягина, О. Е. К проблеме обусловленности криминализации ограничения конкуренции (ч.1 ст. 178 УК РФ) / О. Е. Деревягина // Юридические исследования. – 2019. – № 4. – С. 27–43. (1,07 п. л.)

6. Деревягина, О. Е. О толковании некоторых признаков преступного ограничения конкуренции / О. Е. Деревягина // Право и политика. – 2021. – № 7. – С. 48–58. (0,7 п. л.)

7. Деревягина, О. Е. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности за преступное ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ) / О. Е. Деревягина // Национальная безопасность / nota bene. – 2021. – № 4. – С. 1–13. (0,6 п. л.)

Монографии

8. Деревягина, О. Е. Субъект ограничения конкуренции / О. Е. Деревягина, И. В. Шишко // Антимонопольное регулирование: проблемы законодательства, теории и практики: монография / отв. ред. А. П. Тенишев. И. В. Шишко, Е. Л. Лужбин. – М. : Проспект, 2018. – Раздел 4. – Гл. 3. – С. 227–270. (2,7 п. л.)

Статьи в иных научных изданиях

9. Деревягина, О. Е. Объективная сторона недопущения, ограничение и устранение конкуренции / О. Е. Деревягина // Аграрная наука на рубеже веков: материалы регион. научн.-практ. конф. Ч. 1 (секц. 1-7). Красноярский государственный аграрный университет. – Красноярск. 2005. – С.177–182. (0,4 п. л.)

10. Деревягина, О.Е. Анализ практики применения ст. 178 УК РФ в Красноярском крае / О. Е. Деревягина // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. матер. междун. научн. конф. (16 - 17 февраля

ля 2006 г.): Ч. 1. – Красноярск: Изд-во Сиб. юрид. ин-та МВД России, 2006. – С. 164–167. (0,3 п. л.)

11. Деревягина, О. Е. Раздел рынка, ограничение доступа, устранение с него других субъектов экономической деятельности как способы преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ / О. Е. Деревягина // Право. Личность. Культура: сб. научн. статей препод. и асп. юрид. фак. Крас ГАУ. – 2006. – С. 11–16. (0,4 п. л.)

12. Деревягина, О. Е. Толкование спорных признаков ограничения, недопущения, устранения конкуренции / О. Е. Деревягина // V Международная научно-практическая конференция молодых ученых Сибирского федерального округа «Современные тенденции развития АПК в России». – Красноярск. – 2007. – С. 45–49. (0,3 п. л.)

13. Деревягина, О. Е. Уничтожение имущества как способ совершения недопущения, ограничения и устранения конкуренции / О.Е. Деревягина, А. С. Мирончик // Проблемы правового регулирования предпринимательской деятельности в условиях реформирования естественных монополий и государственного управления: сб. материалов межвузовской научн.-практич. конф. – Филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Красноярске. – Красноярск. – 2007. – С. 155–163. (0,4 п. л.)

14. Деревягина, О. Е. О некоторых квалифицирующих признаках недопущения, ограничения и устранения конкуренции / О. Е. Деревягина, А. С. Мирончик // Право. Личность. Культура: сб. научн. статей преп. и асп. юрид. фак. КрасГАУ / Отв. ред. В.А. Власов. – Красноярск. – 2008. – Вып. 5 – С. 127– 131. (0,3 п. л.)

15. Деревягина, О. Е. Финансовый рынок как сфера совершения преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ / О. Е. Деревягина // Право и современность: сб. научн.-практич. статей. – Саратов: СЮИ МВД России, 2008. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 251–256. (0,4 п. л.)

16. Деревягина, О. Е. Анализ новой редакции ст. 178 УК РФ / О. Е. Деревягина // Правовое регулирование предпринимательской деятельности в современных условиях: проблемы и механизмы их разрешения: сб. матер. межвузовской научн.-практич. конф. 21.11.2008. – Красноярск. – 2009. – С. 63–64. (0,2 п. л.)

17. Деревягина, О. Е. Субъективная сторона недопущения, ограничения или устранения конкуренции / О. Е. Деревягина // Взгляд молодежи на права человека в современном мире: основные проблемы и пути их решения: III Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск, 9-10 апреля 2009 г.: материалы конференции. – Красноярск: ИПК СФУ, 2009. – С. 340–343. (0,3 п. л.)

18. Деревягина, О. Е. К понятиям «недопущение», «ограничение» или «устранение» конкуренции, предусмотренным ст. 178 УК РФ / О. Е. Деревягина // Правовая модернизация как фактор развития общества и государства: сб. статей студ., асп. и молод. уч. – Красноярск: ИПК СФУ, 2010. – С. 316–320. (0,3 п. л.)

19. Деревягина, О. Е. О развитии уголовного законодательства в сфере недопущения, ограничения или устранения конкуренции / О. Е. Деревягина // Проблемы модернизации правовой системы современного российского общества. Международная научная конференция (г. Красноярск, 30 сентября – 1 октября 2010 г.): сб. докладов в 2 т. – Красноярск: Центр информации, 2011. – Т. 2. – С. 164–167. (0,3 п. л.)

20. Деревягина, О. Е. Практика антиконкурентного поведения участников торгов / О. Е. Деревягина // Правовое регулирование предпринимательской деятельности в сфере торговли и оказания услуг: сб. матер. межвуз. науч.-практич. конф. – Красноярск: филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей и права» в г. Красноярске, 2011. – С. 47–50. (0,3 п. л.)

21. Деревягина, О. Е. Доход в крупном размере как обязательный альтернативный признак преступного соглашения (картеля) / О. Е. Деревягина //

Енисейские политико-правовые чтения: сб. науч. статей / сост. Э. А. Павельева. – Москва: Проспект, 2016. – С.35-39. (0,3 п. л.)

22. Деревягина, О. Е. Объект преступного ограничения конкуренции [Электронный ресурс] / О.Е. Деревягина, И. В. Шишко И.В. // Енисейские политико-правовые чтения: сб. науч. статей по материалам XI Всероссийской науч.-практич. конф. Красноярск, 20 сентября 2018 г. / отв. ред. Г. Л. Москалев, Е.А. Акунченко. – Электрон. дан. – Красноярск: Общественный комитет по защите прав человека, 2018. – С. 123–133. – Систем. требования: РС не ниже класса Pentium I; 128 Mb RAM; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана. (0,7 п. л.)

Общий объем научных работ составляет 12,3 п. л.